

9. Зорькин В.Д. Providetia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6.
10. Исаков В.Б. Перспективы реинжиниринга правового регулирования, юридической науки и образования // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8.
11. Синюков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex Russia. 2021. Т.74. №2. С. 9-20.

Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и
международного права юридического института
Белгородского государственного
национального исследовательского университета
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ: АККОРДЫ ДИАЛЕКТИКИ

Аннотация. Основываясь на анализе научных источников и конституционных норм, автором рассмотрены подходы к определению и взаимовлиянию прав и свобод, к их терминологическому комбинированию – правообязанность и самообязывание. Сделан вывод, что разные методологические подходы, ракурсы сопряжений и целевые установки исследования таких известных и довольно разработанных правовых феноменов, как права и обязанности, дают новую подпитку их содержанию, пониманию взаимовлияния и взаимообусловленности.

Ключевые слова: права, обязанности, правовой статус личности, правообязанность, самообязывание

«Мысль, согласно которой норма есть должное была известна многим поколениям юристов, но в течение длительного времени должное в праве ассоциировалось с категорией морального долга, а должное поведение – с исполнением морального обязательства, которое человек налагает на себя в соответствии с пониманием своего долга перед другими людьми и всем обществом. Отсюда появилось известное определение юридической обязанности как должного поведения в противоположность субъективному праву как поведению возможному» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 539).

Широко известный тезис о том, что нет «прав без обязанностей» и наоборот, нацеливает на исследование таковых не только как определенно самостоятельных юридических феноменов, но и их взаимообусловленности, конвергенции, слияния с учетом особенностей субъектов.

Изначально уточним, что традиционное представление о праве человека как мере возможного поведения, а о его обязанности – как мере должного, с одной стороны, обособляет их (возможное – должное), с другой же – связывает общностью ответов на вопросы, о том, где (в общественных отношениях) и для кого (для определенных субъектов) соответствующая мера установлена.

В этом отношении представляется уместным привести позицию Г.В. Мальцева относительно такого подхода. Отмечая, что в юридической литературе таковой представлен «сплошь и рядом» (право есть возможное поведение, а обязанность продуктивность – необходимое поведение), Г.В. Мальцев указывает на продуктивность такой схемы, однако полагает, что «она должна быть дополнена анализом сущности субъективных прав и юридических обязанностей в свете всех трех категорий – возможности, действительности и необходимости. Ни одну из них нельзя отнести исключительно только к правам или к обязанностям» [1, с. 424].

Единит права и обязанности в том числе их включенность в структуру правового статуса личности: при всей вариативности этой структуры права и обязанности относятся к его базовым элементам, но не исчерпываются ими. Обращая внимание на эволюцию прав и обязанностей «от потенциального состояния (абстрактной возможности) в структуре правового статуса до действительной реализации», Г.В. Мальцев, подчеркивал следующее: «Конструкция правового статуса рельефно выделяет момент, согласно которому правообладание субъекта начинается до того, как он вступит в юридические отношения с другими лицами в целях реализации своего права» [1, с. 425].

Как известно, Конституция Российской Федерации диспозицией своей статьи 64 определила, что положения Главы второй «составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации». Из этих конституированных и не изменяемых иначе как в конституционно установленном порядке «первокирпичиков» складывается содержание правового статуса личности, рассматриваемого нами в качестве интегративной категории, получающей свою качественную определенность через системное единство прав и свобод, обязанностей и ответственности.

Конституционное наименование самой Главы 2 может составить предмет дискуссий, особенно, если не обходить вниманием прежние конституционные параллели. В чем смысл этого тезиса? А в том, что глава, содержащая

не только конституционные права и свободы, но и конституционные обязанности оказалась поименованной как «Права и свободы человека и гражданина». Для сравнения: Конституция РСФСР 1937 г. – Глава XI «Основные права и обязанности граждан»; Конституция РСФСР 1978 г. – Глава 6. «Основные права, свободы и обязанности граждан РСФСР».

В представленных примерах поименования конституционных глав ухватываются ориентиры государственного строительства России: четкое позиционирование основных прав и обязанностей граждан было приращено свободами для граждан страны с последующим «титულным изъятием» обязанностей. Применительно к последнему отметим, что это можно трактовать, с одной стороны, как результат «влияния извне» концепции «права у человека, обязанности – у государства», с другой – как следствие пришедшего из марксизма, воспринятого как «доморощенное» и всем понятного правила, что «нет прав без обязанностей и нет обязанностей без прав». Как бы то ни было, но конституционные обязанности, по факту закрепленные в конституционном тексте, оказались поглощенными «правами и свободами». Чем не аргумент для иллюстрации идеи о преобладании значимости конституционных прав над обязанностями? Причем с этой идеей опасно заигрывали, что на примере «свободы труда» акцентировал А.М. Цалиев. По его словам, «дискуссия о свободе труда и об обязанности трудиться ... должна решаться в пользу должностования, поскольку только так обеспечивается надлежащая социализация личности и понимание труда как одного из важнейших источников богатств общества» [2, с. 350].

Так, Г.В. Мальцев убедительно аргументировал, что юридическая обязанность – возможность поведения. В ней подобно субъективному праву, отражена определенная тенденция человеческого поведения, которая основана на объективных закономерностях и тенденциях общественного развития и выражает их. Сформулированное в юридической обязанности требование, обращенное к личности, является реальным. На человека нельзя наложить обязанность, которую он практически никогда не мог бы исполнить. Это в полной мере сопоставимо не только с положительными обязанностями, но и с запретами (негативными обязанностями) [3].

В научной литературе отмечается тенденция увеличения «количества обязанностей в текстах конституций практически всех стран» [4, с. 22]. В этой связи «есть основания предполагать, что посредством расширения каталога конституционных обязанностей можно гармонизировать восприятие в качестве ценности не только прав и свобод, но и обязанностей ввиду их обусловленности индивидуальными и публичными интересами» [5, с. 67].

Продолжающая волновать исследователей проблема соотношения прав и обязанностей приводила к возникновению терминологических новелл, позволяющих, по их мнению, ее решить. В их числе термин «правообязанность», введенный Н.Н. Алексеевым [6, с. 158]. Разрабатывая проблему прав и обязанностей, он указывал на их «внутреннее, органическое сочетание. В нем право, так сказать, пропитывается обязанностью и обязанность правом. На место отдельного от обязанности права и отдельной от права обязанности получается то, что можно было лучше всего назвать русским словом правообязанность» [6, с. 158].

Используя эту идею применительно к современным формулировкам, касающимся прав и свобод личности, можно показательно проиллюстрировать суть правообязанности «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 138).

При этом Н.Н. Алексеев воздерживает от восприятия правообязанности как только «теоретической идеи, продукта мечтаний, далекий от каких-либо жизненных воплощений». Мы можем назвать целый ряд институтов публичного права, где сочетание это давно уже произошло. Таково, например, понятие компетенции какого-либо государственного органа или какой-либо должности. Компетенция всегда есть право и обязанность вместе» [6, с. 158]. Далее он уточняет, что «сама идея правообязанности включает в себя мысль о некоторой положительно направленной деятельности», что «правообязанностям с одной стороны соответствуют правообязанности с другой», что «в публичных отношениях свободная возможность внутренне соединена с долгом, и право превратилось в правообязанность» [6, с. 159, 160].

Для понимания подхода автора полагаем значимым тезис, что речь идет о новом, наиболее совершенном типе отношений, «отвечающем понятию общественного идеала. Он мог бы быть осуществлен в том случае, если бы ведущий слой государства проникся бы мыслью, что власть его не есть право, а и обязанность; и если в то же время управляемые не были бы простыми объектами власти, не были бы только носителями обязанностей, положительных и отрицательных, но и носителями правомочий» [6, с. 159].

Продуктивной для понимания природы и взаимообусловленности прав и обязанностей представляется идея самообязывания, суть которой раскрывается с учетом различных методологических оснований и социальных феноменов.

Исследуя правосознание, И.А. Ильин рассматривал самообязывание в контексте положительного права, которое тогда «исполняет свое назначение тогда, когда простое сознание его правил слагает в душе человека мотив к его соблюдению, т.е. тогда, когда индивидуальный дух приемлет его в поряд-

ке самообязывания» [7, с. 61]. Он писал: «Каждый из нас, пересматривая и перестраивая свой положительно-правовой «статус» под руководством естественного правосознания, увидит, что все такие «отречения», «отчуждения» и «самообязывания» не являются с его стороны делом «сверхдолжного милосердия», снисхождения или жертвы, но простым блюдением естественных прав и обязанностей, и, тем самым, борьбою за осуществление естественного правопорядка» [7, с. 71].

Ильин И.А., выделяя автономное самообязывание, отмечал: «Люди на долгом и горьком опыте убедились в том, что чисто автономное самообязывание вырастает в душах с чрезвычайной медленностью, на протяжении многих поколений; что человеку свойственно признать свои полномочия, преувеличивая их пределы и не сознавая их духовной сущности, но не слишком свойственно признавать, в то же время, свои обязанности и чужие полномочия; что это признание чужих прав выковывается в душах лишь в результате долгих трений, в результате той борьбы на жизнь и на смерть за «взаимное признание» [7, с. 57].

Вполне логичным представляется связывание самообязывания с взаимодействием. По мнению Л.В. Сморгунова, самообязывание следовать правилу «является важным условием и институциональным требованием взаимодействия. Социальное понимание взаимности основано на концепции дара и ответственности взаимного ответа, которая связывает участников коммуны» [8, с. 13].

Мальцев Г.В. обращался к проблеме самообязывания в контексте исследования социальных и правовых норм. Он отмечал, что в «глубинах человеческой психологии находятся корни императивности социальных норм, формируются требования личности к самой себе и механизмы самообязывания в отношении того, что человеку, согласно его собственному чувству и мысли, нужно и должно делать. Влечения, поначалу, может быть весьма слабые, постепенно укрепляются, принимая вид сформировавшейся и развивающейся склонности, которая актом сознания и воли приобретает силу внутреннего долга. ... Естественная нормативность переживаний, влечений, чувств становится обязательной в силу нравственного долга делать то, что человек принял на себя как должное [1, с. 515].

Не без основания утверждая, что «мораль есть ... своего рода якорь свободы, некая идеальная точка отсчета, ориентируясь на которую индивид идентифицирует себя в качестве личности и сознает способным к ответственному поведению», А.А. Гусейнов, промаркировал это «формой самообязывания» и подчеркнул, что без «самообязывания было бы невозможным обязывание». Убедительным представляется его вывод о том, что «Без мо-

рального долга нельзя было бы говорить о долге в его конкретных (профессиональных, гражданских, семейных и пр.) разновидностях. Моральная обязанность ... есть обязанность, которая обязывает даже тогда и прежде всего и даже лучше всего тогда, когда не существует других обязанностей. Она есть сама способность иметь обязанности –действовать не просто по закону, а на основании представления о законе, т.е. действовать ответственно. Императивная форма морали не выражает специфики собственно моральных обязанностей. Она получает объяснение как моральное обоснование обязывающего поведения» [9, с. 27].

Самообязывание не ограничивается пределами правового содержания. На это обращено внимание Н.С. Васильевой в связи с проблемой действительности права: «Являясь комплексным фактом психики, действительность права представляет собой психологическое самообязывание, возникающее в результате систематического действия машинерии физического принуждения, а также под влиянием культурных, социальных и даже биологических факторов» [10, с. 74].

К вопросу о введении понятия «самообязывание» обращалась Р.Р. Каримова. По ее мнению, самообязывание «определяет внутреннее состояние внешне проявляемой обязанности, что продуцируется природно-бытовой средой обитания человека и проявляется в предметной деятельности человека [11, с.15]. Обосновывая необходимость понятия «самообязывание», она концентрирует мысль на том, что эквивалентный обмен сторон в общности людей возможен лишь при условии, что его «субъекты являются одновременно носителями и притязаний, и обязанностей». В ходе развития социума такого рода взаимность становится «сердцевиной права, позволяющей сделать его всеобщим», а «закономерность доправового существования обязанности выражена в самообязывании члена общности», в его «внутренней готовности к выполнению обязанности в силу объективного воспроизводства их в социуме» [11, с. 15].

Самообязывание сопрягается и с государством. Так, по мнению Н.В. Омелёхиной, основным «правовым способом обеспечения достоинства личности в нормах финансового права является позитивное обязывание личности по отношению к государству и самообязывание последнего по обеспечению достойного уровня жизни, гарантирующего ценность каждой личности» [12, с. 106]. Такой вывод вполне продуктивен для современного конституционного строительства в России.

Представляется особенно ценным для государственного строительства современной России предостерегающее напутствие И.А. Ильина: «необходимо признавать свою принадлежность к определенному государству, т.е.

принимать ее волею и чувством, дорожить ею и культивировать ее. Политическая принадлежность должна быть сознательно принята каждым отдельным гражданином и признана им в нестесненном, свободном решении; и это решение должно привести каждого к духовному акту добровольного самообязывания, или, что то же, к акту духовного вменения себе публично-правовых полномочий, обязанностей и запретностей. Вне этого государству неизбежно предстоит разложение» [7, с. 105].

В связи с изложенным, а также с учетом актуальной повестки государственного строительства России полагаем важным привести интересную версию различения обязанности и долга, которые конституционно объединены в статье 59 «1. Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации». Так, по мнению А.А. Гусейнова, понятие обязанности говорит о том, что (какое конкретное действие) совершается, а понятие долга – о том, почему оно совершается: служить отечеству, заботиться о детях есть обязанности, делать это по моральным основаниям есть долг» [9, с. 27].

Подытоживая, отметим, что разные методологические подходы, ракурсы сопряжений и целевые установки исследования известных, скажем так, фундаментально-базовых и глубоко разработанных правовых феноменов, к которым определенно относятся права и обязанности, дают новую подпитку их содержанию, пониманию взаимовлияния и взаимообусловленности.

Перипетии конкурентной значимости между правами и обязанностями, представленные на научных и формализованных полях, поддерживают дискуссии и мотивируют не только утолить исследовательский интерес, но принести пользу практике государственного строительства России.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
2. Цалиев А.М. О конституционных обязанностях человека и гражданина // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45. № 2. С. 345-351.
3. Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М.: Юридическая литература, 1968. 143 с.
4. Алебастрова И.А. Конституционные обязанности человека и гражданина: значение и тенденции развития // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 12. С. 22-25.
5. Мархгейм М.В., Чистюхина М.В. Дефинирование конституционных обязанностей человека и гражданина // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2019. № 9 (112). С. 67-69.
6. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., «Аграф», 1998. – 640 с.

7. Ильин И. А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. – М.: «Рарогъ», 1993. – 235 с.
8. Сморгун Л.В. Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 3. С. 6-19.
9. Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 3-33.
10. Васильева Н.С. Действительность права как психологический факт: Упсальская школа в контексте интеллектуальной традиции континентального правового реализма // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 4. С. 47-80.
11. Каримова Р. Р. Юридические обязанности: содержание и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УГЮА, 2008. 27 с.
12. Омелёхина Н. В. Достоинство личности в системе финансово-правовых ценностей // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 106-120.

Беляева Галина Серафимовна,
заведующий кафедрой административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПРАВО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ОТРАСЛЬ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В данной статье представлен авторский подход к определению роли и значения права национальной безопасности в системе российского законодательства.

Ключевые слова: безопасность, комплексные правовые образования, отрасль законодательства, национальная безопасность

«В советской правовой науке сложилась традиция, согласно которой юридический институт рассматривается как структурный элемент системы права, включенный в свою очередь, в состав отраслей и подотраслей... Это обстоятельство законсервировало проблему юридических институтов на уровне формального и структурного анализа, затруднило в определенной степени изучение свойств и возможностей институтов в качестве регуляторов общественных отношений» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 395).